

НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ С МАКСИМОМ ГОРЬКИМ.

Мы встретились в этот день с Алексеем Максимовичем не впервые. Уже, когда он приехал в Москву, в вагоне мы имели возможность приветствовать Горького от имени Нижнего и в тот же день вечером, во время свердловского торжества в Большом театре, поговорить с ним о его первых впечатлениях от приезда в СССР.

Алексей Максимович в восторге, в неписуемом восторге от всего нового, что он видит у нас. Москва неузнаваема. «Словно я здесь не шесть, а 25 лет не был». Прекрасный народ, талантливейший народ делами теперь доказывает, какие чудеса он в состоянии сотворить.

А разве сам Горький не являлся живым свидетельством того, какие возможности скрывали в себе народные массы. О талантах народных масс Горький писал много еще на заре своего творчества. Вою жизнью он в них верил и перед ними преклонялся. Теперь на фактах нашей действительности он убеждается, насколько основательны были и его вера, и его надежды на лучшее будущее этого народа.

Действительность превосходит ожидания. «Кто бы мог еще десять лет тому назад предполагать, что это так именно будет», — вот мотив, который часто слышится в беседе с Горьким. Алексей Максимович как бы еще раз

передумывает собственные ошибки прошлого. Кто мог, действительно, лет десять, девять, восемь, даже семь лет тому назад предполагать, что мы достигнем таких крупных успехов на всех участках нашего строительства. Сквозь холод и голод, сквозь почти вымершие города, сквозь как бы парализованные фабрики и заводы, кто мог прозреть такие быстрые перемены. Для этого надо было быть или глубоко образованным теоретиком-ленинцем, или, по крайней мере, активным подпольным профессионалом-революционером. Алексей Максимович не был ни одним и ни другим. Он был и остался прежде всего художником. В качестве такового он служил и служит делу рабочей революции, занимая на этом посту почетнейшее место. Именно теперь он весь горит желанием всюду и везде подчеркивать наши достижения, оновестить о них весь мир и содействовать их дальнейшему росту.

О Нижнем Алексей Максимович слушает с удовольствием. Не потому, конечно, что это Нижний — его родной город. Этот момент, может быть, и играет некоторую роль в отношении Горького к Нижнему, но про А. М. нельзя сказать, что он страдает «ограниченностью родного порога». Ему о Нижнем приятно слышать, главным образом, потому, что в Нижнем бьет ключом новая жизнь, социалистиче-

ская стройка, что вокруг него, как бы по мановению волшебного жезла, выросли чудесная, ослепляющая Балахна и сердитое химическое Растягино. Алексей Максимович любит Нижний не потому, что он остался таким, каким он был во времена калашинского Алешки, собиравшего тряпки в завоулках аграрных рядов, а именно потому, что Нижний изменился до неузнаваемости, что Балахна стало одним из крупных рабочих районов страны, что гигант-Сормово растет, строит новые цеха, меняет свое лицо.

Горький не был в Нижнем 25 лет. Но он хорошо помнит всю галерею здешних старожилов, с которыми ему пришлось иметь в свое время дело. Знает кто умер, кто остался в живых, кто наш друг и кто враг, и кто ныне из бывших черносотенцев перекрасился в советский цвет...

В последнее время Алексей Максимович переписывался о нижегородских делах с А. И. Мухомовым. Когда А. М. от последнего получил книгу о десятилетиях советской власти в Нижегородской губ. и подробно узнал о растущей нашей стройке, то испытал такое великое удовольствие, как в те далекие дни, в которые он впервые познакомился с произведениями русских классиков.

И радио-лаборатория, и университет, и детская ясли, и ночной диспан-

сер, и физио-терапевтический институт, и новая библиотека, и фабрики и заводы,—все это досконально известно Горькому, а все это его невыразимо радует.

Горький весьма высокого мнения о работе нижегородских браведов. Алексей Максимович совершенно правильно придает исключительное значение локальному методу в изучении производительных сил страны и специфических особенностей разных сторон и отдельных ее районов. Только при помощи этого метода мы можем получить точную картину происходящих в стране разнообразных процессов.

**

Мы бы охотно продолжали нашу беседу с Горьким, но подошло время его очередных визитов у московских рабочих. Конечно, Горький не может бывать везде и удовлетворить даже половины получаемых приглашений.

Надо откровенно сказать, что Москва переборщала в отношении последних. В то время, когда Горького надо падить, экономить расход его энергии и здоровья, его приглашают чуть ли не в 6—7 мест в течение одного дня. И как ни старается горьковский комитет опраличить визиты Горького, все же получается явный излишек.

Но это не все. Беда, что свою любовь к Горькому многие считают необходимым выразить в приветствиях,

ставших чуть ли не трафаретом. А Горькому не это нужно. Ему нужен деловой осмотр и показ всего, что у нас происходит. В клубе им. Кухмистерова тов. Бухарину пришлось убеждать работников отдельных фабрик и заводов поменьше Горького приветство-

вать общими словами, а больше ему рассказать о том, как у нас живет рабочий, ничего не преувеличивая, и под этим впечатлением Алексей Максимович вручил нам следующее обращение к нижегородцам:

Писатели и землекопы!
Приведу в 20-е число:
удобнейшего времени, не делайте
изменившего мануфактурного
мума, о котором вы все
работаете. Не сажайте на все руки
четануть от айбодиселентов
до свидания!

А. Горький

*1
**

Едем вместе с Горьким на замоскворецкую фабрику «Кр. Текстильщик». Здесь чувствуется более организованный прием писателя. Деловые разговоры с работницами, рабочими. Алексей Максимович осматривает действительно образцовые детские ясли, интересуясь мельчайшими подробностями

и восхищаясь розовенькими, советскими октябрятами.

«Бух», «бух», «бух»,—что это такое? Это фоторепотеры, откуда-то уже узнавшие о визите Горького и поспешившие сюда со своими аппаратами лишней раз заснять Горького, на этот раз в белом халате и при том на кухне с большой лезкой в руке.

«Бух» — это вспышка магния, при свете которого производится синьков. Горького по 6—7 раз в день синькают и, как он выразился, у него уже начинают глаза болеть от этих магниевых вспышек.

Имею удовольствие ехать с Горьким дальше. На этот раз на всесоюзный съезд швейников Горький имеет к ним прямое отношение. Он, ведь, был когда-то подручным пекаря.

Съезд с неоправданным энтузиазмом встречает желанного гостя. Горький кратко отвечает на приветствие. Он, ведь, не из ораторов. Он не столько умеет говорить, сколько разговаривать, беседовать с аудиторией. Он передает несколько деталей из истории участия булочников в прошлой борьбе с царем и капиталом. А дальше опять говорит о достижениях.

Но вдруг «бух» — опять магний. Выходит из залы: «бух» — опять магний! Алексей Максимович возвращается домой, чтобы полчаса спустя поехать в Госиздат на заседание, посвященное созданию по его инициативе нового журнала «Наши достижения».

Этот журнал будет создан. По мнению Горького, у нас прежде всего имеются достижения, а потом уже потребности. Алексей Максимовичу кажется, что мы слишком нападаем друг на друга, выпячивая наши недостатки, что

это в наших собственных интересах иногда преуменьшает объем наших достижений.

Журнал «Наши достижения» должен будет фиксировать наши успехи во всех разнообразных областях материального строительства и помогать новым достижениям. Идет речь о переводе его на иностранные языки для того, чтобы пропагандой, фактами прочно привлечь еще более широкие массы трудящихся на сторону СССР.

В журнале будут принимать участие виднейшие работники нашей страны и в том числе Алексей Максимович — особенно по вопросам литературы.

**

Мы встретились еще раз с Горьким на следующий день, на Красной площади. На это воскресенье был профсоюзным назначен парад московским физкультурникам. Алексей Максимович, стоя у мавзолея, разглядывал площадь во всю ее длину. С востока храм Василия Блаженного — живой памятник династии Иоанна Грозного; с запада — Исторический музей с, как бы жалея смотрящими о вышек багнет ивиз, дружи друглавыми орлами; напротив мавзолея б. верхне-торговые ряды — живой памятник силы в старой России торгового капитала; сзади черная стена Кремля, а вся площадь полна десниками тысяч физкультурников и физкультурниц. Здесь, на площади буйные вихоры новой жизни, победившей отдаленную от окружающих

ее памятников старину. Июньские лучи солнца еще больше согревают собравшуюся пролетарскую семью, и когда в ожидании церемониального марша, рабочая братва затихивает «По рекам, по волнам», то невольно мурашки по телу бегают, и мир кажется в этот момент прекрасней.

— Кто мог бы что-нибудь подобное ожидать десять лет тому назад, — говорит Алексей Максимович, пожимая плечами.

Но вот появился тов. Томский. Раздается команда «смирно». 32 тысячи человек в спортивных костюмах разных цветов как бы замирают на месте. Еще несколько минут, и Алексей Максимович вместе с Томским принимает парад.

Идут, идут, идут. Прошел час, другое, а все идут, молодежи, весело, и, кажется, конца этому монументальному процессию не будет. И все приветствуют Горького, который, смотря на этот праздник здорового духа в здоровом теле, неоднократно прослезился.

Можно бы на этом о параде кончить. Но хочется подчеркнуть еще один момент.

На параде присутствовал, являющий мировое имя, еврейский писатель Шолом Алл. За несколько недель до этого он приехал в СССР, чтобы, как он нам сказал, — «осмотреть на эту страну» и особенно проверить, как живет трудовое еврейское население в земледельческих колониях на юге.

Алл имел разные периоды в своем

творчестве и одно время это был талантливейший изобразитель радостей и страданий еврейских социальных низов. С исключительной художественной силой Апс противопоставил «Большский» переулок, в котором жила физически крепкие, любящие жизнь и труд социальные низы, «Синагогальному переулку», населенному верующими еврейским мещанством, с его средневековыми идеалами аскетизма (сборник «Юность», роман «Мотылька вор», драма «Бог мести» и др.). В эпоху реакции Апс отошел от низов и стал певцом отживающего класса еврейских куццов и романтиком еврейского национализма.

Но прошли годы. Апс переоценил старые ценности. И, если в начале революции он относился с нескрываемой злобой к пролетарской России, то теперь, под давлением жизненных фактов, Апс признал свою ошибку. Он старается теперь доказать, что только в трудовых массах, в той свободе, которую они получили в Советском Союзе, спасение трудящихся евреев.

Апс был в этот же день утром, еще до парада, у Горького. Алексей Максимович был несказанно рад, что такой художник, как Шолом Апс, за нас, за СССР, что и он воспринял и удивленно спрашивает себя: кто мог бы что-нибудь подобное осудить еще десять лет тому назад...

**

Останется ли Горький в СССР? Вот

вопрос, который многих и у нас интересует. Алексей Максимович не может дать на этот вопрос определенного ответа. Если бы климат СССР даже на юге подходил для здоровья А. М., он бы, конечно, ни на минуту не поколебался остаться в СССР. Но дело в том, что такого климата, как в Сорренто, нигде у нас нет. Ведь, вот прожил там Горький несколько лет и чувствует себя относительно сносно.

Итак, трудно сказать, сможет ли А. М. уже теперь навсегда остаться в СССР. И, впрочем, кто бы из нас на этом настаивал, зная, что для здоровья Горького ему нужен иной климат? Вопрос решат врачи. А пока Алексей Максимович пробудет в Москве до 20—22 с. м., затем поедет на день в Тверь, и оттуда по Волге к нам, в Нижний. Здесь он пробудет один—два дня, чтобы затем, как он нам сказал, по Оке захватить в Павлово и Выксу. После А. М. направится в Казань, Самару, Саратов, Сталинград, Баку, Ростов на Дону, Украину и Ленинград, и к осени вернется в Москву, где и решит вопрос о дальнейшем.

Напишет ли он книгу об СССР? Где и когда? Мы не задавали этого вопроса Горькому. Но, конечно, необходимо время для того, чтобы колоссальная масса впечатлений отложилась в сознании художника. Дает ли он художественное полотно развертывающегося у нас строя,—это покажут ближайшие годы. Но для нас важно, что Горький

полон бодрости и решимости работать для революции, и только для нее. При встрече с московскими комсомольцами Горький заявил:

— А все же... вы, товарищи, лучше меня чувствуете нового героя. Вам нужно взять на себя задачу отображения этого героя в литературе. Нельзя возлагать это на меня. Мое дело—петь панихиду умершему классу. Покончить с теми, которые не хотят строить социализм, а порывают развести уютный садик, в нем скамеечку, а на ней сидеть за самоваром и пить чай. Мое дело доказать, что «счастье вдвоем», теперь не выйдет. А вы должны показать счастье коллектива.

Алексей Максимович в высшей степени скромно, особенно, когда он говорит о себе. Но если он, со своим гениальным пером художника даст только то, о чем выше сказано,—а он даст, надеюсь, больше,—то и этим он сослужит огромную службу революции.

Хоронить мещанство—не только в отношениях людей к вещам, но и в отношениях людей между собой—это и означает очищать путь новой культуры, ее создавать. Этот мещанин, он уже чувствуется у нас Горьким, и Алексей Максимович готовит против него свой разный меч, и вместе с рабочим классом он поможет вытравить мещанства из нашего быта, из нашей новой жизни.

Я. ЗБИНЕВИЧ,